

Куралай

Уразаева

Карлыгаш

Абылхасова

доктор филологических наук, профессор
Евразийский национальный
университет имени Л. Н. Гумилева

учитель русского языка и литературы,
магистр педагогических наук,
Quatum stem school, Нур-Султан

СЕМИПАЛАТИНСК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

Страдание как дар, испытание и искупление

В год 200-летия Ф. М. Достоевского роль Семипалатинска в жизни и творчестве писателя остается актуальной и дает возможность нового прочтения его произведений. И здесь становится интересным не только обзор биографического материала, но и обозначение круга понятий, введенных в научный оборот исследователями творчества Достоевского.

Семипалатинск стал началом позднего Достоевского, известного всему миру. Каторга и захолустный Семипалатинск описаны в произведениях «Дядюшкин сон», «Записки из Мертвого дома» и других – и это было начало перелома в мироощущении писателя, когда страдание – как дар и испытание одновременно – обозначило новые темы и новое миропонимание, когда родилось осознание и принятие спасительной и искупающей силы страдания, духовного преобразования.

Знакомство и дружба с Врангелем, записки которого стали благодатной почвой для популярных книг И. Волгина; записки дочери Достоевского; воспоминания А. Г. Сниткиной, интересные портретом большой любви и первой супруги писателя Марии Дмитриевны Исаевой – это заново и трепетно оживающие страницы жизни и творчества Достоевского периода отбывания ссылки в казахских степях.

«Хоть страдал, да жил...»

Закончивший срок каторжных работ в Омском остроге, Достоевский был зачислен рядовым в Седьмой Сибирский линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Весной 1854 года на возу с пеньковым канатом прибыл Достоевский в город Семипалатинск. Федор Михайлович писал брату Михаилу: «...полугород полудеревня, где всего лишь один магазин, одна аптека, одно начальное училище...»

Здесь, на казахской земле, он провёл пять лет своей жизни (1854–1859), о которых впоследствии сказал: «По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!» Начался следующий период жизни писателя – ссылка и солдатская служба.

«Выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить...».

Семипалатинские годы – это время возвращения Достоевского к литературному труду. Он снова мог писать: «На душе моей ясно. Вся будущность моя, и все, что я сделаю, у меня, как перед глазами. Я доволен своей жизнью». Но работа шла нелегко, много времени отнимала солдатская служба. Достоевский ненавидел муштру и смотры еще в Военно-инженерном училище. В Семипалатинске же ему опять пришлось надеть форменную одежду. «Солдатство не шутка... солдатская жизнь со всеми ее обязанностями солдата не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с такой отвычкой или, лучше сказать, с таким полным ничегонезнанием в подобных занятиях... Я не ропщу; это мой крест...»

Будущее его более чем неопределенно. Конечно, смерть императора Николая Павловича, случившаяся в феврале 1855 года, в самый разгар Крымской войны, дает основание для надежды. Недаром с такой жадностью ловит Достоевский слухи, связанные с заключением мира и предстоящей коронацией, то есть событиями, влекущими обычные в таких случаях высочайшие милости. Не без лирической натуры он сочиняет стихи, предназначенные вдовствующей императрице.

Семипалатинск в произведениях Достоевского

С описания Семипалатинска начинаются «Записки из Мертвого дома»: «В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями – одной в городе, другой на кладбище, – города похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город...»

В повести «Дядюшкин сон», события которой разворачиваются в Семипалатинске, дана похожая короткая характеристика: «По улицам, обставленным маленькими, вставшими в землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которые в провинциальных городах разводятся в ужасающем количестве...»

Семипалатинский период жизни Достоевского в книгах И. Волгина

И. Волгин – журналист, исследователь, профессор МГУ, историк, поэт, основатель и президент Фонда Достоевского, популяризатор и просветитель, ведущий передачи «Игра в бисер» на российском телевизионном канале «Культура», посвятивший много лет изучению жизни и наследия Достоевского. Волгиным издано более 20 книг о жизни и творчестве Достоевского. Книга «Ничей современник. Четыре круга Достоевского» (2019) входит в Собрание сочинений автора в семи томах (литературно-издательское агентство «Академический проект»). Из четырех книг Игоря Волгина, изданных в России и в мире, премии Москвы в области литературы удостоены «Последний год Достоевского», «Родиться в России», «Колебаясь над бездной» (журнальная версия – «Достоевский и гибель русского императорского дома»), «Пропавший заговор» – три последние, равно как и фрагменты из пятой книги – «Возвращение билета», были опубликованы на страницах журнала «Октябрь». Благодаря этому были изданы части «Хроники рода Достоевских», которая явилась дополненным и уточненным переизданием

книги М. В. Волоцкого (1933). Здесь представлены фрагменты из «Саги о Достоевских» И. Волгина [1].

Как выглядел быт писателя в Семипалатинске?

Автор саги называет четыре адреса. После месяца жизни в казармах с солдатами писатель поселился в доме на окраине города.

Вот такое описание внимательный читатель найдет в цитируемой книге, написанной на основе воспоминаний современника Достоевского: «Хата Достоевского находилась в самом безотрадном месте. Кругом пустырь, сыпучий песок, ни куста, ни дерева. Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, и без единого окна наружу, ради опасения от грабителей и воров... У Достоевского была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; в ней царствовал всегда полумрак. Бревенчатые стены были смазаны глиной и когда-то выбелены; вдоль двух стен шла широкая скамья. На стенах там и сям лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами. У входа налево от дверей большая русская печь. За нею помещалась постель Федора Михайловича, столик и, вместо комода, простой дощатый ящик. Все это спальное помещение отделялось от прочего ситцевою перегородкою. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленькое в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью, и были занавески, вероятно когда-то красные. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечою – стеариновые тогда были большою роскошью, а освещения керосином еще не существовало – я еле-еле мог читать. Как при таком освещении Федор Михайлович писал ночи напролет, решительно не понимаю. Была еще приятная особенность его жилья: тараканы стаями бегали по столу, стенам и кровати, а летом особенно блохи не давали покоя, как это бывает во всех песчаных местностях».

Дружба с бароном Врангелем

Отдельную страницу в жизни и судьбе Достоевского занимает дружба с бароном А. Е. Врангелем, который прибыл из Петербурга в Семипалатинск в 1854 году в качестве нового окружного прокурора. Слава Достоевского – автора «Бедных людей» и образованность Врангеля, стремление принести пользу на юридическом поприще сблизили этих двух людей. Врангель познакомил писателя с местным обществом и к тому же покровительствовал ему. Врангель оставил воспоминания о семипалатинском периоде жизни писателя, ценность которым придает то настроение, которым жил Достоевский в ожидании амнистии.

Весну-лето 1855 года писатель разделил с Врангелем на даче «Казаков сад», а в 1857 году, после женитьбы на Марии Исаевой, снял квартиру в доме почтальона Ляпухина. Этот дом сохранился до наших дней. В октябре 1965 года решением Семипалатинского горисполкома часть дома на втором этаже была освобождена от жильцов для городской библиотеки № 15. Заведующая библиотекой Зинаида Георгиевна Фурцева стала собирателем и хранителем материалов о писателе. Она наладила контакты с известными учеными, специализирующимися на Достоевском, литераторах, музыкантах, художниками, актерами, и добилась того, чтобы в 1967 году дом был полностью освобожден от жильцов.

В Семипалатинске Достоевский сблизился и с П. П. Семеновым (впоследствии Тянь-Шанским).

Женщины в жизни ссыльного Достоевского

Обычно семипалатинский период связывают с первой супругой писателя – М. Д. Исаевой. И в воспоминаниях Л. Достоевской, дочери писателя, изданных в Германии, и в опыте биографии писателя, автором которого является стенографистка и верная спутница А. Г. Сниткина, и в экранизациях в исполнении Г. Тархановой она выглядит роковой, inferнальной, истероидной, неуравновешенной женщиной. Книга Волгина, воскрешая представления разных людей, возвращает ей тот облик, который стал причиной сибирского романа писателя – по оценке Волгина, первого и владевшего всем его существом. Для автора книг о Достоевском источником служат и воспоминания Волоцкого: «...ровно три строки, принадлежащих тому же случайному наблюдателю: “Первую супругу нашего знаменитого писателя я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно расстроенной женщины”», но и эпистолярное наследие писателя, в котором в связи с Исаевой он оставил неоднократные признания: «Я честный человек».

Были и другие женщины в жизни ссыльного немолодого писателя. В описанном выше домике на окраине Семипалатинска, который он снимал за пять рублей в месяц, две дочери хозяйки, красавицы двадцати и шестнадцати лет, были в руках матери, вдовы-солдатки, практически объектом торга. А в ответ на упреки писателя старуха возражала: «Все равно сошлась бы со временем с батальонным писарем или унтером за два пряника аль фунт орехов, а с вами, господами, и фортель, и честь!»

Однако сердце ссыльного уже было занято М. Д. Исаевой, мужа которой на два года отправили в Кузнецк. Врангель при помощи Марины Ордынской (дочери ссыльного поляка и его кухарки) пытался отвлечь Достоевского. Интересно, что Исаева сама советовала обратить внимание на Ордынскую.

Другая женщина – семнадцатилетняя Е. М. Неворотова («Одинокая девственница»). Ее писатель увидел на базаре – торгующей калачами. Ей было адресовано не менее 18 писем (одно в стихах). Достоевский, по воспоминаниям Губенко, получившего со временем доступ к письмам, «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал ее руки, предлагая свою жизнь, помощь в воспитании ее малолетних сестер». Как замечает Волгин: «Этот факт поразителен. Тридцатитрехлетний, все еще отбывающий наказание и лишенный гражданских прав рядовой, вчерашний каторжник без каких-либо видов на будущее – готов связать свою жизнь с юной девушкой из совершенно чуждой ему социальной и культурной среды. Трудно, почти невозможно представить этот гипотетический брак. Тем не менее вопрос был поставлен».

Сибирский роман Достоевского

Какой же была Мария Исаева, урожденная Констант, подарившая миру двух Катерин Достоевского – жену Мармеладова из «Преступления и наказания» и Катерину Ивановну из «Братьев Карамазовых»?

Причиной «реабилитации» Исаевой в глазах читателей являются, в частности, опубликованные в 1912 году воспоминания 79-летнего А. Е. Врангеля. Волгин приводит описание Врангеля: «...довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная». Вместе с тем Врангель отмечает: «Начитанна, довольно образованна, любознательна, добра

и необыкновенно жива и впечатлительна». Все это выделяло Исаеву среди семипалатинских дам.

Дочь писателя называла ее чуть не ложной француженкой и дочерью наполеоновского мамлюка. Между тем она действительно была полуфранцуженкой. В Россию переселился дед Марии Дмитриевны – Франсуа-Жером-Амадей де Констант. Он был дворянином и капитаном королевской дворцовой гвардии, который после падения Людовика XVI покинул Родину, принял подданство России, поступил на русскую службу, принял православие и новое имя – Степан. Женится он на француженке.

Дмитрий Степанович, отец Исаевой, в 1820 году служил недолгое время переводчиком в штабе генерала И. И. Инзова – одновременно с А. С. Пушкиным. Дмитрий Констант женится на русской дворянке по имени Софья Александровна (фамилия неизвестна). В 1824 году родилась Мария.

Познакомившаяся с Достоевским в 29 лет, она застала его на пороге «кризиса всей жизни». Неслучайно писатель именовал этот период грозным и неизбежным. Он думал о самоубийстве, о том, что для него нет выбора: «Или с ума сойду, или в Иртыш».

Но подлинное безумие писателю было суждено пережить с отъездом Исаевых. Два года разлуки объясняют его состояние: «Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь... Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить».

В единственном сохранившемся письме к М. Д. Исаевой, от 4 июня 1854 года, писатель оставил признание: «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни». Он называет избранницу родною сестрой, преклоняется перед ее качествами: «удивительная женщина, сердце удивительной младенческой доброты» и т. д.

Врангель в воспоминаниях о расставании замечает: «Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок». Лето и осень 1856 года прошли под знаком переживания любви как безумия: «...Есть ли надежда, нет ли, мне все равно, – пишет Достоевский. – Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь».

В письме к Врангелю он пишет о своих правах на Исаеву: «О, друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать, ведь я на нее имею права, слышите, права!» Эти слова отзвучат в знаменитом романе теорией Раскольникова.

Еще одним источником сведений о сибирском романе является так называемая «Сибирская тетрадь» Достоевского («моя тетрадка каторжная»). Часто встречавшаяся там помета «Еheu» долго не поддавалась разгадке. Расшифровывали так: «Елеи», «Елен» и даже «Елец». Оказалось, что это латинское междометие, обозначающее «увы» или «ах». Все «Еheu» были связаны с именем первой жены Достоевского. Так писатель передал драматизм романа всей жизни.

...Решение Федора вступить в брак воспринимается братом Михаилом с сомнением: «Тебе 35 лет, но этого-то я и боюсь, мой бесценный. В эти годы уже нет той энергии. Тело просит покоя и удобств». Тем не менее брак состоялся. Супруги Достоевские провели в Семипалатинске более двух лет.

Через год после смерти Марии Дмитриевны Достоевский напишет Врангелю, что хотя он и знал, что жена умирает, «но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею». Даже сознавая,

что они были «положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру)», «мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу». Так приходило постижение страдания в любви. «Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь». Сниткина по воспоминаниям мужа оставила такие факты: «Мария Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей все сходило с рук».

А еще 16 апреля 1864 года, на следующий день после ее кончины, Достоевский оставляет запись в тетради: «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей. Возлюбить человека, как *самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует... Итак, человек стремится на земле к идеалу, *противоположному* его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил любовью в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом». Но при этом он пишет и такое: «Я скажу, чтоб свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

Валиханов

Достоевский писал Валиханову в «Дневнике»: «Мы первые объявили миру, что не через подавление личности иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а напротив, видим его лишь в свободнейшем ее развитии» [2]. Достоевский оценил высокие дарования своего нового друга: «...Не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских?» [3] и во многом predetermined судьбу талантливого друга. «Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, об этом говорили). Всего лучше, если б вам удалось нечто вроде своих записок о степном вашем быте, вашем возрасте там и т. д...» [4].

В письме от 14 декабря 1856 года русский писатель замечает: «Вы первый из вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности» [4]. Эти строки эпистолярного наследия вместили в себя не только историю дружбы, но и влияние, обусловившее формирование научных интересов Валиханова и, в частности, своего рода предпосылки евразийства. Даже жанр научно-художественного очерка, стратегию которого можно обнаружить в «Дневнике писателя» Достоевского, был воспринят Валихановым.

«Вечные», «проклятые» вопросы русского и казахского общества

Знакомство Достоевского с Чоканом Валихановым в Омске в 1854 году и последовавшая после каторги русского писателя дружба, переписка (1856—1862) выявляют интересный диалог, построенный на идеях и проявлении социального лидерства. Публицистика Валиханова посвящена вопросам, общим с «Дневником писателя», написанным 14 лет спустя после ссылки в Семипалатинск. Статьи Валиханова об истории, фольклоре, административной и судебной реформе

сближают его мировоззрение с евразийством русского писателя и обнаруживают его влияние на казахского просветителя.

Достоевский. Черняев. Валиханов

Весной 1875 года, когда произошло восстание в Герцеговине, генерал Михаил Черняев одним из первых усмотрел в нём начало крупного международного кризиса, связанного с общим вопросом о судьбе восточного славянства. Выступив с идеями общественного движения в защиту турецких христиан, Черняев был приглашен в Белград сербским правительством для руководства военными действиями в задуманной князем Миланом кампании против Турции. Черняев был для Достоевского героем, с которым писатель связывал веру в единство славянского мира и миссию русского народа в спасении христианства.

Вместе с тем Черняев известен как активный проводник колонизаторской политики в Средней Азии. Она вызвала осуждение прогрессивно настроенной демократической общественности. Так, М. Салтыков-Щедрин вывел образ Черняева в «Современной идиллии» в образе генерала Редеди, а некоторые факты его биографии использовал в «Письмах к тётеньке». Объектом сатиры Щедрина стал авантюризм Черняева.

В «Дневнике писателя», вводя фигуру Черняева в круг размышлений, автор воспроизводит историю времён Ивана Грозного, который наставлял своих посланцев, что ради выпрошенного мира они и побои должны вынести. «Революция в Константинополе и вспышка мусульманского фанатизма, а наконец, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – все это разом зажгло и двинуло войну. У славян много надежд», – пишет Достоевский, «благословляя» князя Милана Сербского и князя Николая Черногорского, которые возглавили поход, «надеясь на Бога и на право свое».

Писатель заключает, что Россия «поступит честно», в отличие от Европы: «...В этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения. Жаль только, что сила эта иногда довольно-таки ошибочно направлялась» [2].

Валиханов был приглашён в военную экспедицию генерала Черняева в 1864 году, принимал участие в действиях при взятии крепости Аулие-Ата. Убеждение Валиханова в необходимости мирного присоединения южных районов Казахстана и Средней Азии вызвало противостояние его и некоторых офицеров генералу Черняеву. Валиханов и несколько офицеров покинули в знак протеста экспедицию русского генерала и вышли в отставку.

Восточный вопрос

Восточный вопрос был для Достоевского сценарием историко-культурного и духовного будущего России в ее взаимоотношениях с Западом. Признание писателем «татарской» и «калмыцкой» сущности русского народа, неевропейской природы, выявляет и такую сторону восточного вопроса, как проведение политики царской империи на национальных окраинах. Для Достоевского вопрос достижения «собственного преуспеяния» «не через подавление личности иноплеменных нам национальностей», а «свободнейшем» ее развитии [5] был принципиальным, сформированным на фоне отношения Европы к России. Солидарен с ним и Вали-

ханов, указывавший на неприемлемость политики царской России в отношении собственных «народностей иноверческих и инородческих».

Почвенничество Достоевского, его отношение к славянофилам и западникам созвучно мыслям Валиханова. Он в письме Аполлону Николаевичу Майкову 6 декабря 1862 года, в условиях запрета на издание «Современника», делится сомнением: «Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать, или не удаётся им это примирение. По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо исповедывать» [5; 199].

Русская идея и природа преступления

«Вечные», «проклятые» вопросы русского общества: пьянство, насилие над детьми и женщинами, думы об исторической миссии русской женщины, настоящим и будущем русских детей обусловили жанровый синтез «Дневника писателя». Здесь переплелись рассказ, размышления «о детях вообще, о детях с отцами, о детях без отцов в особенности, о детях на елках, без елок, о детях-преступниках...» В русских школах Казахстана изучают рассказ «Мальчик у Христа на елке». Приемы повествования святочной истории, подсказанные поездками вместе с А. Кони в колонии для малолетних преступников, поставили общество перед новым поворотом вечной коллизии в истории «отцов» и «детей».

Вопрос темных предрассудков, становящихся причиной преступлений, приводит русского писателя и казахского просветителя к осознанию коренных реформ в обществе. Достоевский в статье «Среда» «Дневника писателя» рассуждает о личной ответственности человека и модной в русском обществе теории среды. По мнению писателя, губительность теории заключается в оправдании «слабосердия» и милосердия преступников. Неготовность русского общества к институту присяжных заседателей, имеющему традиции и предпосылки в Англии, делает человека «зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном», «доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [2]. Преодоление кризиса Достоевский видит в христианском учении: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его».

Вред принесенной с Запада теории среды Достоевский объясняет конфликтом с русской ментальностью. Для русского народа понятие «несчастные» является коллективной общей участью: «Народ как бы говорит “несчастливым”»: Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей». Русская идея заключается в признании общей вины с преступником: «Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» [2].

О том, что причиной преступлений в Степи являются предрассудки и вредные обычаи, о том, что «вытравливание плода, выдавливание его в последний

период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся», – пишет Валиханов [5; 194]. Примеры «диких понятий» пополняют приписывание тяжелых родов наважде-нию злых духов (потому рожениц подвергают побоям, тянут язык), отсутствие акушеров, массовая гибель рожениц, когда «на доктора киргизы смотрят как на чиновника и пользы от него не ждут», поднимают не только проблему коренной реформы административного порядка, но и проблемы воли и ответственности человека за происходящее.

Единство нации

Угроза единству русского общества заключается, по мнению Достоевского, в трагической пропасти между интеллигенцией и народом. Такую же пропасть между народом, «невежественным и полудиким», и «привилегированными классами общества» отмечает Валиханов в статье «Записка о судебной реформе» (1864). Эта статья имеет много общего с другой работой Валиханова «О мусульманстве в степи» и написана на основе двухлетнего изучения юридических обычаев казахов. «Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и направление народных мнений зависит от тысячи обстоятельств» [5; 199–200]. Протестуя против учёта мнений, собранных от «знатных» киргизов и подменяющих народные потребности, Валиханов говорит о последствиях предпочтения «интересов целой нации» «выгодам отдельного сословия».

Так же, как Достоевский рассуждает об особом месте русских в Европе и мире, Валиханов говорит об особом положении казахов среди «всех инородческих племён», входящих в состав Российской империи. Веру казахского просветителя в народ, надежды на развитие в будущем вселяют его многочисленность, миролюбивость, наличие богатой культуры, эпоса, более близкого к «индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода».

Добровольное вступление в русское подданство, надежды на «гражданственное развитие», по мнению Валиханова, «заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское – быть или не быть». Вместе с тем в письме Аполлону Николаевичу Майкову 6 декабря 1862 года он пишет о «непомерном упорстве и тщеславии» как национальной черте своего народа на примере родных [5; 199].

Сознавая опасность выглядеть клеветником на свой народ, Валиханов пишет о недоверии «киргизов» (казахов) к русскому правительству и русским чиновникам, пишет о раздирающих казахов сословных предрассудках, о конфликте интересов между традиционным институтом биев и чиновничьей властью волостных управителей. Интриги, равнодушие, пассивность, невежество, дикость с двух сторон – простого народа и знатных ордынцев ставит перед дилеммой: «Насколько суд биев согласуется с главными началами проектированного русским правительством мирового суда и в какой мере последний применим к быту киргиз». Убеждение Валиханова о преимуществах древнего суда биев перед судом мировым для казахов, что «начала мирового суда, проектированные для русских губерний, во многих началах своих положительно неприменимы в отношении киргизского народа» [5; 199] объясняет его взгляды на дальнейший «нормальный рост народа».

О религии

О бессознательной любви к Христу пишет Достоевский в статье «Влас». Писатель опровергает предубеждение о плохом знании русским народом Евангелия, основных правил веры. В знании Христа и любви народа к нему для писателя важно эмоциональное знание, не рассудочное. «Сердечное знание Христа» есть для писателя источник истинной веры народа. Любовь ко Христу «до страдания» объясняет веру писателя в народ: «Вспомним “Власа” и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки – свет и спасение воссияют снизу (в совершенно, может быть, неожиданном виде для наших либералов, и в этом будет много комического)» [2]. Так же и Валиханов верит в свой народ: «...свежая народная сила нелегко поддаётся мертвящему их (мулл. – У. К.) влиянию» [5; 231].

Поиски Достоевским и Валихановым этнической, религиозной, культурной идентичности народа, условий его самосохранения и спасения отражают философские основы программы социального лидерства. Главными задачами ее являются пути выхода из кризиса – общественного, идейного, культурного. Создание картины общества и портрета народа в состоянии слома, в переходное время отражают своеобразие русского и казахского народов, трагические расхождения между народом и причину раскола общества. Предпринятый опыт сопоставления первой части «Дневника писателя» (1873) и статей Валиханова 1860-х годов представляется интересным для исследования евразийства как философии самобытности народов, онтологии русскости и казахскости.

Вопрос судебной реформы связан для Валиханова с отношением царской власти к исламу. Отсюда необходимость реформ и в сфере духовного управления мусульман. Называя апостолом Магомета в Сибирской степи Сперанского, Валиханов ставит вопрос об ответственности царского правительства, утвердившего ислам там, «где он не был вполне принят самим народом» [3; 199]. Вред, который наносили исламу действия «полуграмотных мулл из татар» и «фанатичных выходцев из средней Азии», выдававших себя за святых, стали со стороны казахского ученого и просветителя обвинением двойных стандартов царского правительства: это препятствие развитию ислама в оренбургских степях и покровительство исламу в Сибири.

Вредное влияние любого ультраклерикального направления на социальное развитие народа, невежество татарских мулл, влияние «чудовищной фантастики», «мёртвой схоластики» на сознание народа сближает казахского просветителя Валиханова с его учителем Достоевским.

В статье «О мусульманстве в степи» автор поднимает вопрос о духовном суде. Говоря о недостаточности паллиативных мер против «такого зла, как ислам», Валиханов пишет: «Кроме мулл, у нас много и других вредных шарлатанов. Мы говорим о татарах и среднеазиатцах, которые занимаются у нас медицинской практикою» [5; 193]. Валиханов требует отделить народ киргизской степи от власти ведомства Оренбургского муфтия, отличающийся от татар по исповеданию веры. В этом он видит спасение казахского народа от духовного разрушения и сохранение его целостности.

Пафос статей Валиханова направлен против влияния ислама. Он пишет: «Религия, которая имеет основанием дикие и варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия, предания спиритуалистов, жидов и разные фокусы-покусы персидских магов того же периода. Если таков ислам турков и персиан, то каков должен быть ислам татарский, составляющий в мусульманстве нечто в роде пуританизма. Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушением для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой. На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия» [5; 231].

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгин И. Сага о Достоевских. [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/october/2006/11/saga-o-dostoevskih.html>
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. [Электронный ресурс]. <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/> (Дата обращения: 28 октября 2021 г.)
3. Достоевский в Семипалатинске // Nomad Kazakhstan
4. Цитировано по: Маханова Г. Б. Творческие взаимосвязи Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова. [Электронный ресурс]. http://www.rusnauka.com/7_NMIW_2009/Philologia/42143.doc.htm
5. Валиханов Ч. Избранные произведения / Под ред. академика Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулана. Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958.
6. Фокин П. Достоевский. Перепрочтение. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом "Амфора"», 2013.
7. Чтение против течения. Новое о Достоевском. Обзор изданий, посвященных 200-летию со дня рождения писателя // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова; [Г. П. Титова]. – Архангельск, 2020.

